

Бай Фэнфу издала яростный рык и, развернувшись, наотмашь ударила «Бай Шаогэна» ладонью. Не стоит думать, что, будучи ее прямым потомком, он может позволить себе подобное неповиновение. Похоже, все эти годы она была с ним слишком мягка.

Раздался оглушительный грохот, но «Бай Шаогэн» остался стоять в центре зала, ничуть не пострадав, и на его лице играла дерзкая ухмылка.

Лицо Бай Фэнфу помрачнело, гнев закипел внутри. Она совершенно не осознавала, что стоящий перед ней «Бай Шаогэн» ведет себя совсем не так, как в прежние дни.

В мгновение ока она оказалась прямо перед ним.

— Неблагодарный отпрыск!

Волны давления обрушились на юношу, но «Бай Шаогэн», казалось, даже не заметил их и в ответ лишь вызывающе рассмеялся.

— Ха-ха-ха-ха!

— Бай Шаогэн, ты смерти ищешь! — В глазах Бай Фэнфу разгоралось убийственное пламя, она вскинула руку, целясь ему в лицо.

«Бай Шаогэн» ничуть не испугался. В мгновение ока он поднял руку, призвав с помощью силы демонов длинный меч, и с размаху рубанул по протянутой руке Бай Фэнфу.

Увидев, что сын, которого она лелеяла долгие годы, без малейшего сожаления поднял на нее оружие, Бай Фэнфу почувствовала, как ее искренняя любовь была растоптана. Она пришла в ярость.

От ее гнева небо переменилось: еще мгновение назад ясное, оно внезапно затянулось тучами, засверкали молнии, загремел гром, и поднялся ураган. Черные облака вмиг окутали весь Дворец Лисиц.

Это переполошило всех обитателей дворца.

— Беда! Враги напали!

Низшие демоны-слуги и стражники в ужасе бросились активировать охранную формацию дворца и призывать на помощь всех старейшин Цинцю.

Когда толпа в спешке ворвалась в главный дворец, где жила Император Лисиц, над головами

уже клубились черные тучи, сверкали молнии, а неистовый ветер гнул деревья, заставляя их жалобно скрипеть.

Не успели они войти, чтобы оценить обстановку, как истошный вопль Бай Фэнфу эхом разнесся по всему дворцу.

Внутри Лун Цяньлин с насмешливой улыбкой, сжимая в руке меч, отсекла Бай Фэнфу один из хвостов.

Потеряв хвост, Бай Фэнфу испустила крик боли. Дрожащими руками она коснулась окровавленного обрубка, лицо ее стало мертвенно-бледным.

— Ты... ты посмел отрубить мне хвост!

«Бай Шаогэн» лишь вскинул бровь и щелкнул пальцами — упавший на пол красный хвост мгновенно превратился в пепел.

Увидев это, Бай Фэнфу побагровела от ярости. Скрежеща зубами, она прошипела:

— Я убью тебя!

Она, не раздумывая, снова бросилась в атаку. Ее пальцы, превратившиеся в острые когти, блеснули холодным светом, метя прямо в лицо «Бай Шаогэну».

Лун Цяньлин качнула головой, уклоняясь, и пять глубоких борозд полоснули ее не по лицу, а по плечу.

Она слегка наклонила голову, глядя на рану, в ее зрачках мелькнул золотой свет, и она взмахнула мечом.

Бай Фэнфу в последний момент успела отдернуть руку — еще миг, и она лишилась бы кисти.

Женщину охватил ужас. Она знала силу своего сына, но тот, кто стоял перед ней, был куда сильнее. Это не Бай Шаогэн!

— Кто ты такой?!

Лун Цяньлин лишь слегка улыбнулась: значит, раскрыли.

В этот момент в дверях зала показалась толпа. Лун Цяньлин изменилась в лице, швырнула меч в сторону, заставив Бай Фэнфу спешно защищаться, и, воспользовавшись моментом,

обратилась в поток света, вылетев из зала и в мгновение ока исчезнув в вышине.

Люди, только что вбежавшие в зал, почувствовали лишь порыв ветра, который тут же стих.

Когда они пришли в себя, то увидели Императора Лисиц, стоящую посреди зала. Лицо ее было белее полотна. Она торопливо применила магию, чтобы остановить кровь, сочащуюся из обрубка хвоста.

Нельзя допустить, чтобы кто-то узнал о потере. Если правда выйдет наружу, она лишится трона. У лисиц девять хвостов — символ власти, а теперь у нее осталось лишь восемь. Чтобы удержать власть, она должна скрыть это любой ценой.

А того, кто ранил ее, она найдет и отомстит за свой хвост!

— Император Лисиц, вы в порядке? — осторожно спросил старейшина в сером одеянии, подходя ближе.

Бай Фэнфу, делая вид, что ничего не случилось, отмахнулась и небрежно бросила:

— Я в порядке.

Но едва она договорила, как изо рта у нее хлынула кровь, и она потеряла сознание.

— Император Лисиц!

Все пришли в ужас, старейшина подхватил падающую женщину. В зале воцарился хаос.

Тем временем виновница происшествия уже вернулась в маленький дворик Бай Цинняня. Лун Цяньлин сняла иллюзию, вернув себе облик Бай Цинняня.

Раздраженно нажав на раненое плечо, она коснулась пальцем точки между бровей, где проступила золотая печать. Вытянув руку вперед, она извлекла из межбровья поток золотого света и направила его в рану на плече — та мгновенно затянулась.

Ее божественное сознание покинуло тело Бай Цинняня, и маленькая черная змейка безвольно упала на ладонь юноши.

Принудительное использование божественной силы лишило ее возможности поддерживать человеческий облик. Если бы не необходимость скрывать от маленького лисенка, что она постоянно была рядом и управляла его телом, она не стала бы тратить столько сил.

Бай Циннянь, почувствовав знакомый рывок, открыл глаза и обнаружил, что снова в своем дворе. А на его ладони лежит маленькая черная змейка.

Он только что снова видел того огромного черного дракона и не понимал, как оказался здесь.

Холодное прикосновение змейки к ладони испугало его, и он поспешно стряхнул ее на землю.

Теперь у него развилась фобия на все черное: стоило ему увидеть что-то подобное, как перед глазами вставал тот дракон и взгляд той женщины, жаждущей убить лиса.

Но, взглянув на свернувшуюся на земле змейку, Бай Циннянь почувствовал жалость.

Она, кажется, ранена...

В конце концов, у него не хватило духу оставить слабую змейку одну во дворе. Осторожно поднимая ее, он внес ее в дом.

Оглядевшись, он не знал, куда ее положить, пока не заметил на столе разбитую чашку.

Подойдя к столу, он долго шарил в карманах, но не нашел платка. Вздохнув, он оторвал кусок от края своей одежды, выстелил им дно чашки и бережно опустил туда змейку.

Бай Циннянь сел рядом, подперев подбородок руками, и уставился на спящую змейку.

— Не знаю, откуда ты взялась и почему оказалась в моем дворе.

Потерявшая сознание Лун Цяньлин не слышала его слов.

В Бездне Вселенского Зла небо было кроваво-красным, сверкали молнии. Громкий драконий рык сотрясал пространство. На теле черного дракона, скованного десятью железными цепями, чешуя отливала ослепительным золотом.

На лбу дракона сияла золотая Божественная печать.

Бум!

После оглушительного грохота из пасти дракона потекла кровь. Лун Цяньлин медленно открыла золотые глаза.

Верно, последствия принудительного использования божественной силы оказались слишком тяжелыми. Если бы ее истинное тело могло покинуть Бездну Вселенского Зла, ей не пришлось бы прибегать к таким методам и она не получила бы такой откат.

Лун Цяньлин дернула цепи, в ее золотых глазах мелькнула тьма.

В этот миг все воспоминания пронеслись перед ее взором.

<http://bllate.org/book/20004/1973377>